

3-61

Л. ЗИЛОВ

ОЛЕНЬКИНА
ЗИМА

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ
1937

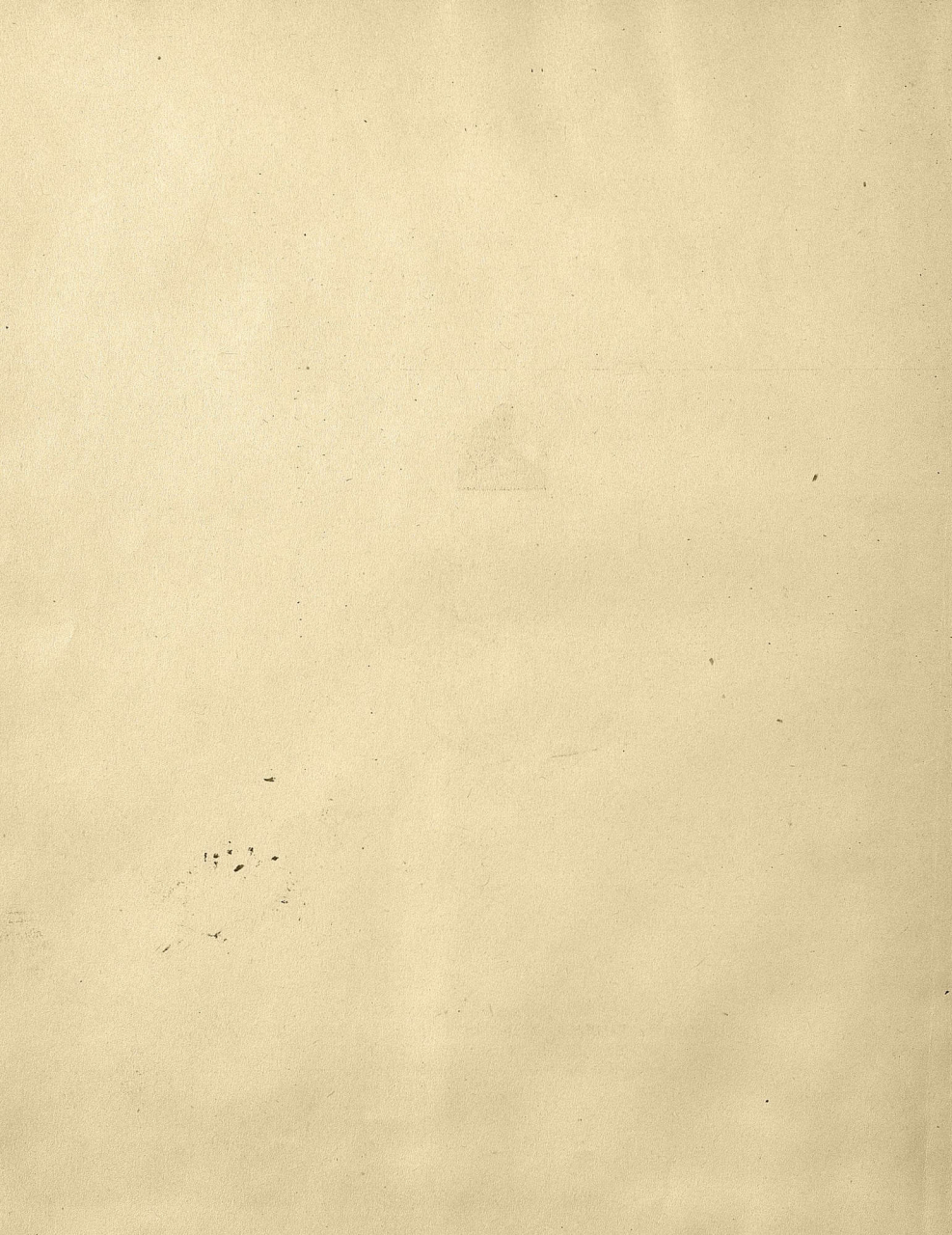
Проект

12578

НАУЧНО-БИБЛИОТЕКА
ДОДАТКОВОГО АКТУ
ДЕТСКОГО

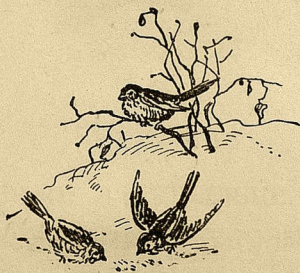

ЛЕВ ЗИЛОВ

3-612

ОЛЕНЬКИНА ЗИМА

Рисунки
А. ДАВЫДОВОЙ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

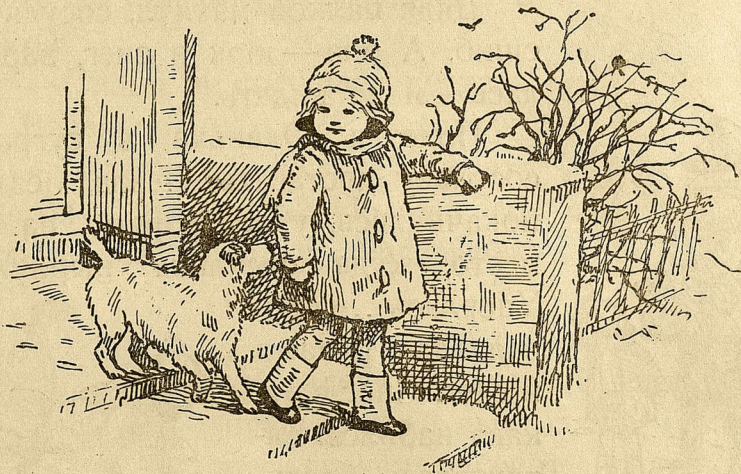
12578

12578

~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ
ДЕТСКАЯ~~

682406 кх рег-04

Российская государственная
детская библиотека

СОСУЛЬКА

Стоит Оленька на крыльце. Солнце светит ярко-ярко. Снег блестит искрами. Мороз щиплет уши и нос. Хорошо!

Но всего лучше сосулька — длинная, толстая, как морковка, а сама точно из стекла. Вот бы достать!

Видит Оленька: мимо идет чужой дядя с палкой.

— Дяденька, сшиби сосульку! Вон она висит.

Дядя палкой махнул, сосульку сшиб. А она — юрк в снег, зарылась — и не видать.

Полезла Оленька в сугроб, сосульку доставать. Лезла, лезла, покачнулась, упала. Прямо на то место, куда сосулька нырнула. Уперлась... и провалилась руками в снег. Снег в рукава набился. Барахталась, барахталась, едва вы-

лезла. Найди теперь сосульку! Никак не найдешь! Весь сугроб измят.

Видит Оленька: идет мимо другой дядя с лопатой.

— Дяденька, вырой сосульку! Она тут висела. Палкой сшибли! В снег упала. Вот сюда!

Дядя вырыл лопатой целый ком снега. Скинул снег на дорожку.

Сосулька тут как тут.

Взяла Оленька сосульку — и домой.

— Мама, я сосульку достала!

Взглянула мама на Оленьку.

— Батюшки, да где же это ты так извалялась? Положи сосульку на тарелку. Раздевайся скорей!

Сняла мама с Оленьки шубку, валенки, шапку. Снег стряхнула, руки ей вытерла. А Тимка-пес скачет, визжит: играть хочет. Разделась Оленька, достала с комода веревочку с бумажкой и давай с Тимкой по коридору бегать. Бегала, бегала, устала. А тут и обед готов.

Пообедала Оленька, вспомнила про свою сосульку. Пошла ее искать.

Тарелку нашла, в тарелке вода, а сосульки нигде нет.

— Мама, где моя сосулька?
В тарелку кто-то воды налил, а
сосульку выкинул.

— Эх, ты! — засмеялась ма-
ма. — Разве не знаешь, что со-
сулька ледяная, а лед в тепле тает? Заморозь
воду — лед будет. Согрей лед — вода будет.

СЛЕДЫ

Вышла Оленька утром во двор гулять.
Смотрит, все тропки снегом занесло. Пошла
по снегу. Снег пушистый, мягкий. Никто еще
по нему не ходил. Оленька первая.

Нет, не первая! Вот чьи-то следы — малень-
кие, елочкой. Вот другие — покрупнее, тремя
пятнышками. Маленькие про-
пали, а те, что покрупнее, назад
повернули. И опять снег мяг-
кий, пушистый. Никто по нему
не ходил. Оленька первая.

Нет, не первая! Вон опять
чьи-то следы. Тоже елочкой,
только крупнее. А вон еще

следы, ямочками. Следы елочкой вдруг пропали, а следы ямочками назад повернули. И опять снег мягкий, пушистый. Никто по нему не ходил. Оленька первая.

Нет, не первая! Вон какой еще след: двумя полосками. Полоски широкие, итти по ним можно. Повернули полоски на сугроб, потянулись дальше, дальше, повернули за дом и — нет их. А вон еще следы: клетчатые, плетеные, большие. Вышли с одной тропки и на другую ушли. Опять снег мягкий, пушистый. Никто по нему не ходил. Оленька первая.

Дошла Оленька до крыльца, где тетя Катя живет. Пришла к тете Кате в гости. Села на сундук. Сидит, новыми калошками по сундуку постукивает и рассказывает про маленькие следочки елочкой и про следочки пятнышками... А тетя Катя говорит:

— Это воробей прыгал, еды себе искал. Вот елочкой и наследил. А пятнышками кошка наследила. Увидел воро-

бей кошку, взлетел, и следы его кончились. А кошка домой ушла. Скакала ворона, еды искала — крупной елочкой наследила. А ямочками чей-нибудь пес наследил. Увидела его ворона, испугалась, взлетела, и следы ее кончились.

А пес домой ушел. Следы полосками — это Миша на лыжах катался. А клетчатые — дед Егор в лаптях шел.

Так про всех и узнала Оленька. Никого не видала, одни следы только, а про всех узнала, кто куда и зачем шел.

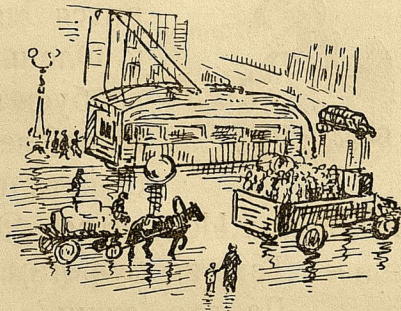
Пошла Оленька домой. Смотрит: по снегу еще новые следы. От тетиного крыльца вплоть до дому. Рубчатые, вафельные.

„Это я шла, — подумала Оленька, — к тете Кате, в новых

калошках. Теперь и про меня все узнают. Увидят следы рубчатые, вафельные и узнают“.

ЕЖИК

Оленька ездила с мамой в гости к тете Клаше. Тетя Клаша живет далеко — у Электрозавода. Она на заводе лампочки делает. Надо ехать на автобусе через весь город. Вот интересно! Тут — троллейбус бежит. Тут — трамвай. Тут — красноармейцы идут, песни поют. Тут — магазин с игрушками. Тут — магазин с кукольными детьми: катятся с горы, как настоящие. А народу, народу!

Приехали, а у тети Клаши — две кошки и ежик.

Кошек Оленька увидела сразу, как вошла. Одна кошка серая, другая — рыжая. И обе спят у тети Клаши на кровати. А ежика не видать.

— Где же у тебя ежик? — спросила Оленька.

— Обожди немного. Как стемнеет, так он и придет,—сказала тетя Клаша.—Вон его блюдце в углу. Он у меня ночной житель. Весь день спит, а ночью гуляет.

Ждала, ждала Оленька. Давно стемнело, зажгли электричество, а ежика все нет. Надоело ждать, стала играть в мячик. Села на пол.

Покатит мячик к буфету, ударится мячик о буфет и назад, к Оленьке. Вдруг мячик—юрок за буфет да там и остался. Пошла Оленька его искать, а из-за буфета: пыф-пыф-пыф... как автомобиль. Испугалась Оленька—и к маме:

— Там, за буфетом, пыхтит кто-то.

— Да это ежик,—сказала тетя Клаша,—ты его мячиком разбудила.

— Почему он пыхтит?

— Тебя пугает.

— Он большой?

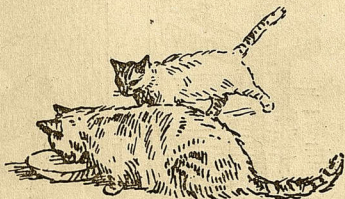
А ежик вылез. Круглый, во все стороны иглы торчат. Морда, как у свиньи, только вся в шерсти. Идет—ковыляет, не торопится. Остановится,

поднимет мордочку, поводит во все стороны и опять ковыляет.

— Дай-ка блюдце, — сказала тетя Клаша, — мы ему ужин приготовим.

Накрошила хлеба, налила молока и поставила на пол. Не успел ежик добраться до блюдца, как налетели обе кошки и давай молоко ласкать. Ежик подошел, просунулся между ними и тоже стал есть. Только не лакает, а чавкает. Как свинья.

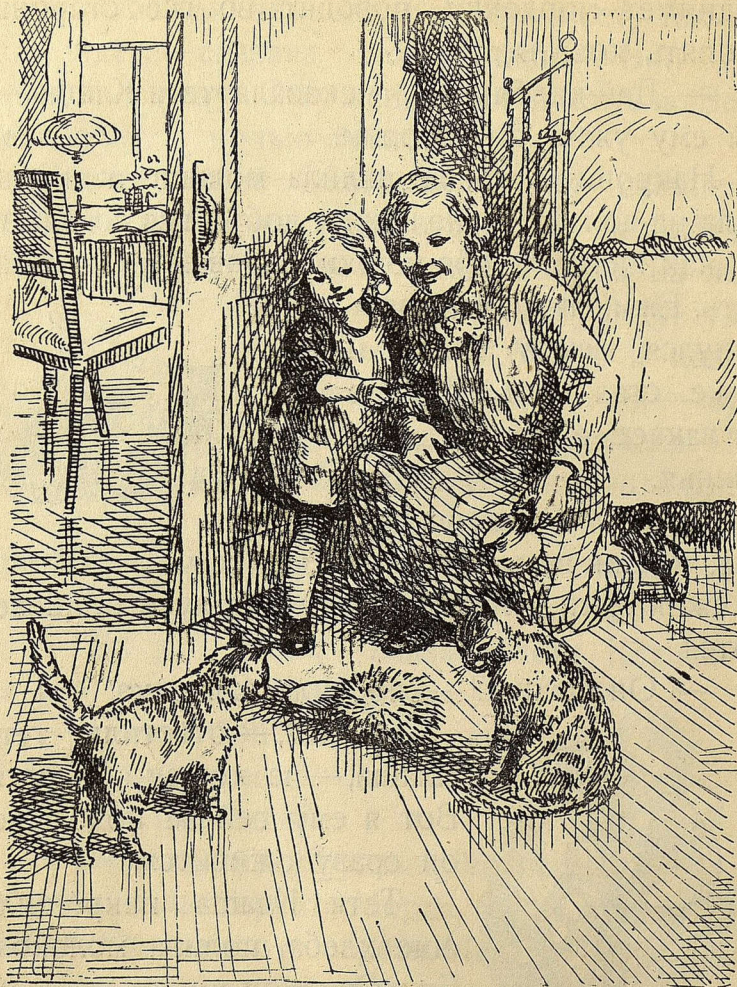
Пока он не спеша чавкал, кошки весь его ужин съели и ушли. Остался ежик один, опустил морду к полу и не шевелится.

— Он заснул? — спросила Оленька.

— Нет, — ответила тетя Клаша, — на кошек обиделся. Вот я ему сейчас подбавлю, он сразу оживится.

Тетя Клаша накрошила еще хлеба, полила молоком. Ежик поднял морду, поводит

И остался ежик один чавкать на раздолье.

носом, залез в блюдо передними лапами и давай чавкать.

— Кошки идут!—закричала Оленька. — Держите, держите их!

Стала их отгонять, а они все равно лезут.

— Ничего, пусть идут. Теперь уж он их отвадит, — сказала тетя Клаша.

И правда: примостилась серая кошка лакать молоко, а ежик ее боком толк. Уколол и прогнал. Примостилась рыжая кошка лакать. Ежик и ее боком толк. Уколол и прогнал. И остался один чавкать на раздолье.

КОНЬКИ

Папа достал со шкапа сверток.

Развернул и говорит:

— Батюшки, все заржавели!

— Кто „заржавели“? — удивилась Оленька. — Покажи!

Показал папа сверток, а там коньки. Как у Миши. Только у Миши большие, а эти маленькие. У Миши новенькие, чистые,

блестящие. А эти—старые, грязные, рыжие. И винтики не вертятся.

— Чьи эти уродины?—спрашивает Оленька.

— Мои были, а теперь твои будут.

— Мне таких не надо! Фу, какие! И смотреть не хочу.

— Ну, и не смотри... До завтрашнего утра не смотри. Не будешь?

— Почему так долго?

— Я их к утру новыми сделаю.

— Ну да, сделаешь... Как?

— А вот узнаешь.

Достал папа толстую шершавую бумагу и стал один конек тереть. Тер, тер, долго тер. Оленька стоит рядом и смотрит.

— Ты ведь не хотела на них смотреть,—говорит папа,—а смотришь.

— Я не на них, а на бумагу.

Тер, тер папа конек, и стал он чистый, как новый. Потом другой стал тереть, и другой стал таким же.

Устал папа. Положил оба конька на стул, а сам газету стал читать.

— Папа, — говорит Оленька, — а винтики все равно не вертятся.

— погоди, — отвечает папа, закрывшись газетой, — будут и винтики вертеться.

— Когда?

— После обеда.

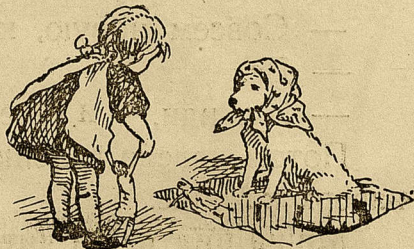
После обеда папа лег на диван и заснул. Пришлось Оленьке в куклы играть, а то скучно. Повязала Тимку тряпкой, будто одела, поса-

дила на коврик и стала к нему кукол водить в гости. Приведет куклу и скажет:

— Здравствуй, дедушка! Поцелуй внучку.

Тимка понюхает куклу, будто поцелует. А Оленька другую ведет. Долго играла. Проснулся папа, посмотрел на коньки да как закричит:

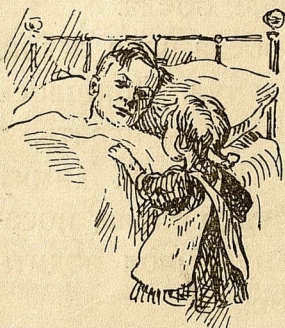
— Мама, где у тебя машинное масло?

Принесла мама машинного масла в пузырьке. Накапал папа масла на винтики, они и за-вертелись.

— Ну, вот и коньки готовы. Чем плохи?

ОЛЕНЬКА НА КОНЬКАХ

Утром Оленька разбудила папу.

— Папа, кататься!

— Мишу проси,—сказал папа,—мне на работу идти надо.

— Зачем неправду говоришь? Ты теперь вечером уходишь.

— Нам на завод новую машину прислали,—сказал папа,—ставить будем, и мне надо быть.

— Совсем новую, каких не было?

— Да.

— Ну, иди,— и Оленька вздохнула.

Потом надела валенки, надела шубу и пошла наверх к Мише.

Миша пил чай и читал книжку.

— Миша, пойдем на коньках кататься. Мне папа коньки отчистил.

— Дедушку Егора проси,— сказал Миша,— мне некогда: в школу итти надо.

Пошла Оленька домой, умылась, чаю напилась, оделась и, захватив коньки, отправилась к дедушке Егору в сторожку. А дедушка Егор валенки тете Кате подшивает. Торопится.

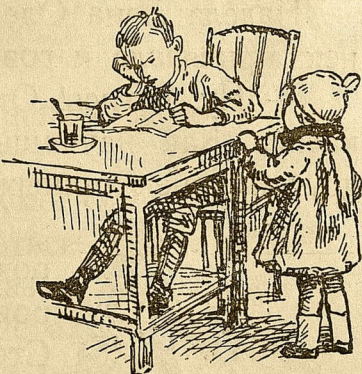
— Пойди-ка ты,— говорит,— к Лене Нестеровой. Она вечером учится, а сейчас дома. С ней и покатаешься.

Пошла Оленька к Лене Нестеровой, а Лена картошку чистит к обеду.

— Лена, пойдем на коньках кататься. Вот они.

— Помоги мне картошки начистить,— сказала Лена.— Начистим и пойдем.

Начистили картошки и пошли во двор.

Надела Лена Оленьке на правую ногу конек, привязала и говорит:

— Ну, катись! Одной ногой беги, а другой катись. Как научишься на одной ноге, тогда другой конек привяжу.

Встала Оленька на дорожку. Дорожка ледяная, ровная, как раз для катанья. Стоит Оленька на коньке, другой ногой отпихивается, а катиться — не катится.

— Надень, Лена, другой конек. С одним не выходит.

— Эх, ты! — говорит Лена. — С двумя и подавно не выйдет.

— Нет, выйдет.

Привязала Лена другой конек. Встала Оленька на дорожку — и ни с места. Коньки подгибаются, шатаются. Того и гляди, упадешь, растянешься.

Вышла на крыльцо Оленькина мама.

— Эх, ты, Лена, Лена! Не умеешь с Оленькой кататься. Смотри, как мы покатымся.

Взяла мама Оленьку за руки и потянула

к себе. Покатилась Оленька. Мама назад пятится, а Оленька вперед катится.

Пришел с работы папа. Салазки новые привез.

— Эх,—говорит,—не умеете вы с Оленькой кататься! Держись, Оленька, за салазки. Крепко держись и на ногах крепко стой. Поставь ноги рядом и стой.

Покатил папа салазки, и Оленька покати́лась. Да как быстро! Не купил бы папа салазки, ничего бы не вышло.

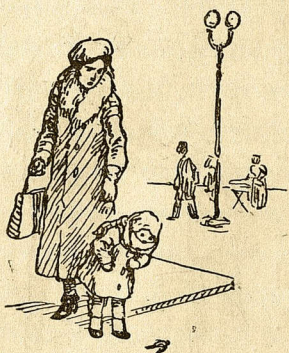
ВОРОБЕЙ

Шла Оленька с мамой по улице. Мороз был такой, что ой-ой-ой! Даже милиционер надел под шапку вязаный колпак с наушниками.

Закутала мама Оленьку теплым платком, одни только глаза видны.

— Беги, Оленька, теплей будет!

Вдруг на дороге какой-то комочек. Подбежала Оленька ближе: воробей. Лежит, нахохлился, лапки поджал, глаза закрыл.

— Мама, птичка мертвая.

Подошла мама. Подняла воробья. Посмотрела.

— Замерз, должно быть.

— Возьмем его домой?

— Возьмем.

Принесли воробья домой. Положили в коробку, ватой обернули.

— Он, мама, мертвый?—спрашивает Оленька.

— Стало быть, мертвый.

— Как жалко!

Посидела Оленька у стола, все на воробья смотрела. Захотела спать.

— Ложись, Оленька.

— А воробей один будет?

— Что ему сделается? У нас кошки нет, а чужих Тимка не пустит.

Легла Оленька спать. Говорит Тимке:

— Сторожи воробья!
И заснула.

Проснулась утром, побегала воробья смотреть. А в коробке одна вата.

— Вон твой воробей, — показала мама на шкаф, — отогрелся.

Посмотрела Оленька на шкаф — сидит воробей на шкапу живой.

ОЛЕНЬКА НА ЛЫЖАХ

— Оленька, — говорит Миша, — давай на лыжах ходить.

— Как?

— Становись позади меня. Вон я для тебя вторые петли сделал. Всунь в них ноги. Всунула? Держись за меня крепко. Держишься? Я вот этой ногой двину, и ты этой же двигай.

Я вот этой, и ты вон той, другой. Раз — вот этой, два — вон той. Ну, пошли! Раз, два! Раз, два!

И правда, пошли.

— Мама, я на лыжах иду!

— Иди, иди, только не свались.

Вдруг, откуда ни возьмись — Тимка. Подбежал и прыг на лыжи. „И я, мол, с вами кататься хочу“.

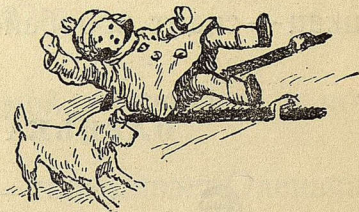
— Тимка, не мешай!

А его уж и нет, свалился.

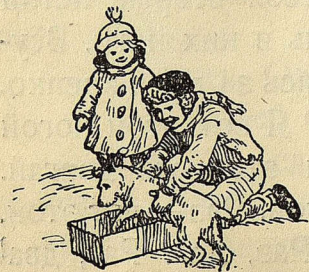
Пошли дальше, а он опять прыгнуть норовит.

— Тимка, не мешай!

Хотела его Оленька прогнать и сама свалилась.

— Погоди, — говорит Миша, — сейчас и Тимку устроим.

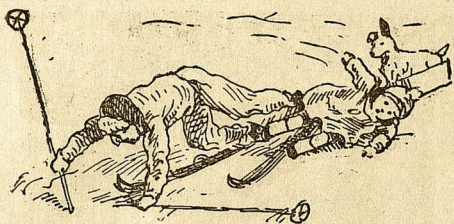
Сбегал домой, принес ящик, привязал к нему веревку, а другой конец веревки — к Оленькиной ноге. Посадил Тимку в ящик.

— Сиди!

Встал на лыжи, и опять

Миша впереди, Оленька за ним, а Тимка позади, в ящике.

пошли. Миша впереди, Оленька за ним, а Тимка позади, в ящике, дерг да дерг Оленьку за веревку.

— Ты что дергаешь?

А он опять дерг да дерг. Оглянулась Оленька, раз!—и повалилась. Потянула за собой Мишу, и он свалился. Один Тимка сидит в ящике и облизывается.

ЕЛКА

Оленька с папой поехали к дяде Коле. Он живет за городом. Полчаса нужно ехать по железной дороге.

Сели в детский вагон. По стенам картинки развешаны, под потолком — куклы, мишки, птицы-чучела. Тронулся поезд, и все они закачались в разные стороны.

Купил папа Оленьке у

продащиц, которые по вагонам ходят, пирожок, ватрушку и тянучку. Ест Оленька и в окно смотрит. А за окнами елки бегут, бегут, бегут. Много. Ровные, густые, в снегу.

— Папа, давай срубим елку здесь, — говорит Оленька. — Вон их сколько. И к дяде Коле не надо ездить.

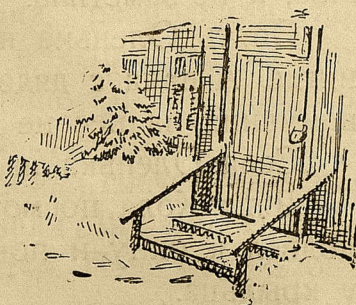
— Эти елки нарочно посажены, чтобы рельсы снегом не заносило. Погонит ветер с поля снег, до елок наметет, а дальше елки не пустят.

Приехали к дяде Коле. У него на двери замок: дома нет.

У крыльца в сугробе елка стоит. Хорошенькая, круглая, густая. Лучше тех, что на железной дороге.

Пошли папа с Оленькой к дяди-колиным соседям за ключом.

Вдруг дядя Коля сам навстречу идет.

— Долго меня ждали? — спрашивает. — Я за керосином ходил.

Отпер дверь. Вошли, разделись. Стали чай пить. Напились, а Оленька спрашивает:

— А елку срубил? Где она?

— Елка готова, — говорит дядя Коля. — Вот соберетесь

назад, и дам тебе твою елку.

Оглядела Оленька всю комнату, пошла на кухню. Нет нигде елки.

— Нет ее нигде... Она, может быть, в лесу осталась?

— Зачем ей в лесу оставаться, если срублена? Здесь она, не беспокойся. Ты мимо нее шла, а не заметила.

Опять Оленька пошла искать, и опять нет нигде. А папа с дядей Колей разговаривают и внимания на нее не обращают.

Села Оленька на стул и надулась.

Дядя Коля посмотрел на нее, взял за руку, подвел к окну и показал на ту елку, которая у крыльца.

— Это наша? — удивилась Оленька. — Когда ты ее посадил? Я летом приезжала, ее не было.

— Я же тебе сказал, что в лесу ее срубил. Вот и воткнул ее в сугроб, чтобы она свежая была, не засохла до твоего приезда.

Собрались ехать назад домой, оделись. Дядя Коля вытащил елку из сугроба и закинул ее в мешок, а мешок завязал.

— Вот и елка твоя одета. Так ее везти удобнее. Не поломаете.

Привезли елку домой. Внесли в комнату, вынули из мешка, расправили, поставили в ведро с водой, чтобы дольше не осыпалась. И стали ее украшать.

Украсили, свечки прилепили. Позвали Мишу и Лену. Зажгли свечи. Папа на гармонии заиграл, и пошла пляска.

Дети скачут, и
Тимка с ними. Лает,
радуется.

Утром проснулась
Оленька, смотрит: верх-
ние ветки на елке ше-
велятся. Это воробей по
веткам скачет. Скакал,
скакал и зачирикал.

НОВЫЙ ГОД

— Вставай, Оленька,— будит мама,— новый
год тебе пошел. Шестой.

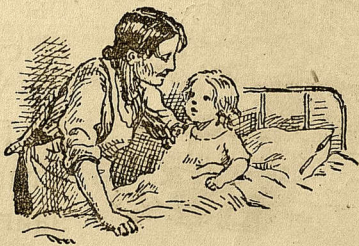
— Совсем новый?— спрашивает Оленька.—
Вчера его не было?

— Не было.

— Никогда не было?

— Никогда.

Вот интересно! Олень-
ка открыла один глаз
и поглядела: какой та-
кой новый год? Ой, ка-
кой светлый! Ослепнуть

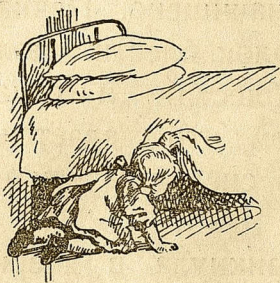
можно. Все кругом точно начищено. Печка блестит, комод блестит, потолок блестит, пол блестит, таз на скамейке блестит, и вода в нем блестит... А за окном что делается, даже не расскажешь. Каждая снежинка так и горит, так и переливается.

— Самовар вскипел! — крикнула в дверь тетя Катя, и голос у нее тоже светлый, звонкий, новый.

Встала Оленька и начала все разглядывать: новое или не новое? Вот кружка. Край у нее отбит еще во вчерашнем году, а сама она все-таки новая. Даже цветок на ней как будто больше стал. Распустился.

Вот ножницы. Один кончик у них погнутый, как и прежде. Зато какие они светлые, точно из зеркала. Вот мочалка на веревке у печки жгутом висит. И она новая. Выжата круто-круто, сухо-сухо и покачивается. Ухватила Оленька веревку, потянула к себе и отпустила. „Гумм..“ пропела веревка, а мочалка подскочила, упала на пол и на полу еще раз подпрыгнула.

— Какой новый „новый год“! — удивилась

Оленька и полезла под кровать искать старую куклу. Тимка-пес ее изгрыз и спрята-
тал. Если и кукла стала но-
вой, значит, ничего от вче-
рашнего года не осталось,
все обновилось.

Залезла Оленька под кровать, а там не то
что куклы, пыли — и той нет. Пол под кроватью
новый, чистый. Вылезла Оленька обратно, под-
нялась на ноги, глядь: си-
дит кукла на окне, у цветоч-
ного горшка. На голове у
куклы косынка с крапинка-
ми. Сама кукла подпоясана
тесемкой. Глаза новые, круг-
лые, черные. Рот красивый.
Ноги заштопаны. Всех новей стала кукла.

Взяла Оленька куклу на руки и пошла к
папе. А папа сидит на стуле у окна в новой
рубашке, глядится в зеркальце и бреется. Увидел
в зеркальце Оленьку и стал гримасничать. Сам
весь в мыле, смешной.

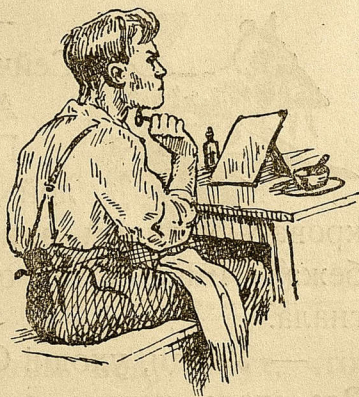
Бритва звенит, вспыхивает и зайчиков на

потолок пускает. Побрился папа и говорит:

— Ну-ка, Оленька, пойдем, поглядим: выросла ты в новом году или укоротилась.

Встала Оленька у дверного косяка, подняла подбородок и не шевелится. Вдруг укоротилась?

Положил папа ей на макушку линейку, чиркнул карандашом.

— Смотри, какая стала.

Взглянула Оленька. Вон прошлогодняя метка, а вон нынешняя. Ой, какая высокая! Никогда такой не была.

Прибежал со двора Тимкапес, и его стали мерить. Поставили на задние лапы и смирили. И он вырос.

Посадила Оленька на Тимку куклу, а он ее цоп! — и под кровать. Спрятал, вернулся и давай из своей плоски воду лакать.

— Тимка, принеси куклу!
Сейчас же принеси!

А он ни с места.

Полезла Оленька за куклой сама. Лежит кукла под кроватью лицом вниз, руки в стороны. Прибежал Тимка, хотел отнять, а Оленька его прогнала.

— Уходи, уходи! Смотреть на тебя не хочу. Все стало новым, один ты не новый. Каким был несносным, таким и остался.

ГОРА

— Оля! Оленька! — зовет Миша. — Идем строить гору.

У Миши на плече лопата, на ногах высокие валенки, а на голове шапка-ушанка со спущенными ушами.

Он идет впереди по узкой тропке, которую протоптал еще вчера. Оленька пробирается вслед за ним. Итти очень не-

удобно. Тесно, снежно, яма на яме. По обе стороны сугробы. И держаться не за что. Бредет Оленька, молчит, только сопит.

— Иди, иди,— утешает Миша,— тут близко.

Наконец, дошли. Вон колодец, из которого летом воду берут, чтобы огород поливать. Весь засыпанный, белый. Только железная труба чернеет.

— Тут пригорок,— говорит Миша,— вот и будем вниз кататься прямо к забору. Накидаем гору, водой польем. Будет гладкая, скользкая.

Стал Миша перед колодцем рыть глубокий ход. Роем и снег в кучу сваливает.

Прибежали ребята—Колька, Петька, Сережка, тоже с лопатами. Стали кидать снег вчетвером. Скоро куча стала высокая, широкая. Настоящая гора.

Начали гору оправлять: края сравнивать, верхушку приминать.

— Становись, Оленька, на верхушку. Тебе все видно будет, и мешать не будешь. А то как раз повалим.

Посадили Оленьку на верхушку горы.

— Вставай, не бойся, не провалишься. Снег крепкий, умятый.

Поднялась Оленька на корточки, потом выпрямилась. Как высоко! Даже страшно. И ухватиться не за что.

— Миша, я сяду.

— Ну, садись. Только ноги подбирай, а то лопатой угодим.

Села Оленька на корточки. Ребята стали у горы скат делать. Снег сгребают, лопатами прихлопывают.

Сделали скат, дорожку стали приминать.

— Вот и готово!—кричит Миша.—Слезай, поливать будем.

Хотела Оленька коленки разогнуть, не разгибаются: засидела.

— Эх, ты!—говорит Сережа.—Вались на бок, вот и разогнешься.

Повалилась Оленька на бок, а Сережка ее

цап! — ухватил и потащил вниз. Испугалась Оленька, стала брыкаться, и коленки сразу отошли.

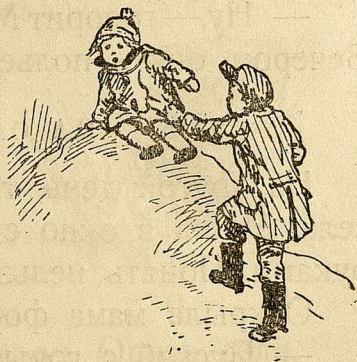
— Пойдем за ведрами, — говорит Миша, — разомнешься.

Пошли опять по Мишиной тропке. Шли, шли. Вышли на дорожку, крепкую и широкую. Обрадовалась Оленька и — бегом домой.

— Мама, дай молочный бидон. Я воды налью. Гору поливать.

Взяла Оленька бидон, поставила сама в раковину и налила до краев. Пока кран заворачивала, вода через край полилась. Мама отлила немного, чтобы вода не плескалась, и дала бидон Оленьке.

Потащила Оленька его к горе. А там уж поливают. Из ведер, из кувшинов, из чего попало.

— Ну,— говорит Миша,— пускай заледенеет. Вечером опять полем. А завтра — кататься.

НА САЛАЗКАХ

На другой день, только Оленька чай пить села, Миша в окно стучит. Показывает что-то руками. Понять нельзя.

Открыла мама форточку, а он кричит:

— Пускай с горы кататься идет.

Напилась Оленька чаю, оделась, вышла. А уж Миша со своими приятелями с горы катят.

— Иди,— кричат,— иди скорей! Вот здорово! Вот сюда, по ступенькам. Давай руку!

Втащили ее наверх. Посадили позади Сережки.

— Держи его за пояс.

Р-раз! Торчком вниз...

Хотела крикнуть, не успела. Катят уже по дорожке. С одной дорожки перескочили на другую. Хлоп — в забор.

— Сиди,— говорит Сережка,— я тебя назад свезу.

Побежал. А навстречу Миша с Колькой. Едва от них в снег своротить успели.

— Оглашенные! — кричит Сережка. — Дождаться надо! — И побежал дальше.

Втащил салазки на гору. Опять сели.

— Эй, берегись, едем!

Р-раз! Торчком вниз... Докатились до забора — хлоп! И опять назад.

Тут с соседнего двора пришел Митька с решетом. Влез на гору, сел в решето, отпихнулся — и вниз. На дорожку выехал и завертелся.

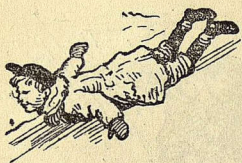
— Эх, ты! — смеется Миша. — На решете и то не можешь. Смотри, как я безо всего.

Подобрал полы, сел на лед, ноги врозь и покатился.

До второй дорожки докатился, а дальше сил нет.

— На салазках лучше.

А Митька решето кинул, взбежал на гору, хлоп на живот и скатился.

Потом побежал домой за салазками и за сестрой Лизой. Прикатил на салазках Лизу, а позади них старший брат на коньках. Взошел, не снимая коньков, на гору — да с горы. Вот это лихо! Лучше салазок.

Потом посадил обеих девочек на салазки. Сам встал сзади, взял веревку в руки. Так вместе и скатились.

А Лиза, точно завелась: „ай-ай-ай-ай!“ кричит.

— Ты что, Лиза, кричишь?

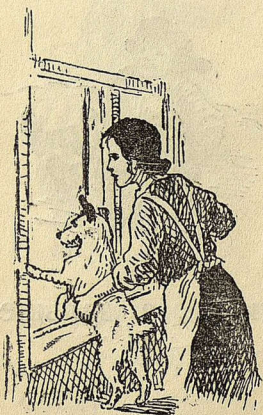
А она во весь рот смеется.

— Хорошо?

А она в ладоши хлопает.

Значит, хорошо.

Слышит Оленька, в стекло стучат. Взглянула на окно: в окне мама Тимку держит. Рвется у нее Тимка из рук. Кататься хочет. Прибежал. Стали с ним кататься. Впереди

Прибежал Тимка, стали с ним кататься.

всех Тимка, за ним Лиза, за ней Оленька, а сзади всех на коньках Лизин брат. Весело!

КРЕПОСТЬ

Вышла Оленька с Тимкой со двора на улицу.

Улица у них особенная. По ней почти не ездят, потому что ехать можно только в одну сторону. С другой стороны — речка. Моста через речку нет. Значит, и ехать нельзя.

Оленькин дом последний на улице. Дальше огороды. В конце улицы всегда ребята играют.

Вот и сейчас столько их набежало, что не сочтешь. И дом у них из снега выстроен. Кричат изо всех сил. Бегают, друг на друга набегают. Одни ребята сбились в кучу за снежными стенами, а другие на них нападают.

— Тимка, — крикнула Оленька, — война!

Залаял Тимка, кинулся к ребятам, и Оленька за ним. Не успела добежать: бац ей в грудь

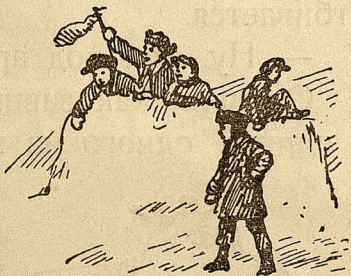

ком снега. Остановилась Оленька: бац другой ком снега. Увидел Тимка, что его хозяйку обижают, набросился на одного мальчишку, вцепился ему в шубу и не отпускает.

— Пленник, пленник! — закричали кругом. — Ай да Тимка! В плен взял!

Ухватили мальчишку, в которого Тимка вцепился, и увели в сторону.

— Ты за нас будешь, — спрашивают, — или за них? Если за них, мы тебя арестуем. Если за нас, будешь с нами крепость брать.

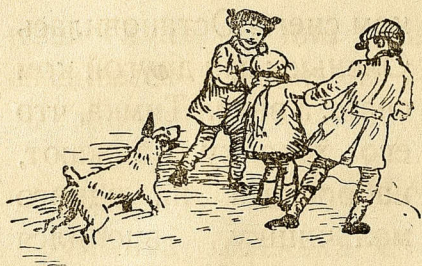

— За вас, за вас! — кричит пленник.

— Тимка, пусти его: он за нас!

Тимка отпустил мальчишку и рад. Скачет, хвостом машет.

Вдруг, откуда ни возьмись, налетели на

Оленьку двое ребят. Чужие, из крепости. Схватили и потащили к себе. Тимка за ними. Вцепился в шубу и повис.

— Ты за нас или за них? — спрашивают Оленьку чужие мальчишки.

— Нет, за них, — отвечает Оленька, а сама отбивается.

— Ну, иди под арест.

Оленька как завизжит! Тимка рассвирепел и цапнул одного из мальчишек за руку.

— Ах, ты! — закричал мальчишка. — Вот я тебе!

Хотел Тимку ударить и отпустил Оленьку. А Оленька назад, к своим. И Тимка за ней.

Бросились чужие мальчишки в погоню, да Тимки боятся. Вон он какой!

Как волк! Разъярился и ошетинился. Подступись только! Свои мальчишки не зевали. Набежали гурьбой на крепость. Вскочили на стенку.

— Ура!— кричат.— Наша взяла! Сдавайтесь!

А те кричат:

— Так неправильно! Мы с собакой воевать не соглашались. Не было бы ее, небось, не поддались бы.

— Ну, ладно,— говорят,— идите на нас. Так веселее. Оля, к нам иди, к нам!

Забрались в крепость вместе с Тимкой. Возьми-ка их теперь! Тимка так и рвется, так и заливается. Как раз за нос цапнет.

— Мы так не согласны. Ишь какие хитрые! Давайте нам Олю, вот тогда увидите.

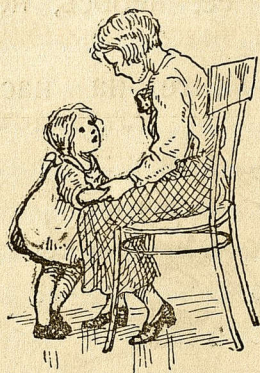
Стали ребята спорить. Спорили, спорили. А Тимка увидел чью-то кошку. Из крепости вон — и за ней. Только его и видели.

А без Тимки играть стало неинтересно. Оленька побежала домой.

ЕЖИК СПИТ

Приехала Оленька с мамой еще раз к тете Клаше. А у нее новость: ежик заснул. Вот так новость! Что ж тут удивительного? Он и в прошлый раз спал. Спать все умеют.

— А ты сколько времени умеешь спать? — спросила Оленьку тетя Клаша.

— Как сколько? Вечером засну, а утром проснусь.

— А дольше можешь проспать? Вечером заснуть, ночь проспать, день проспать и проснуться, когда опять вечер наступит. Можешь?

— Когда болела, могла.

— А когда здоровая?

— Не пробовала.

— А можешь проспать всю зиму и проснуться только весной?

— Нет. Так никто не проспит.

— Мой ежик проспит. И всякий другой ежик проспит. Свернется шариком и проспит. Не ест, не пьет, не двигается — спит.

— Может быть, он умер?

— Если бы умер, развернулся бы.

— Я на него посмотрю тихонько-тихонько...

— Не увидишь. Он так закутался в свою постель — в вату и тряпки, что его никак не развернешь. Только сам сумеет развернуться.

Посмотрела Оленька за буфет. Правда, только тряпки комком валяются.

— А кошки у тебя тоже заснут?

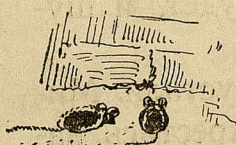
— Нет, они так долго спать не умеют. Есть еще один зверь, который умеет так спать, — медведь.

Оленька подумала, подумала и сказала:

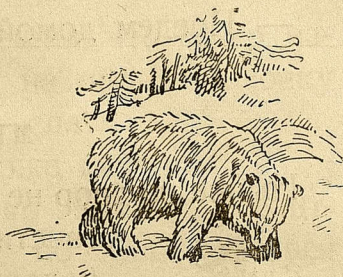
— Как скучно!

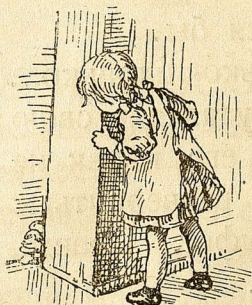
— А ты в мячик поиграй.

— Нет, скучно так долго спать. Значит, он зимы совсем-совсем не знает. Очень скучно... Мышь меньше его, а не спит. Воробей меньше его и тоже не спит. Почему же он спит?

— Не умеет жить зимой. Кормиться зимой ему нечем. Вот и спит.

У меня ежику и тепло и сытно, а уж он так привык.

— Значит, он и живет меньше других?

— Этого уж я не знаю.

— Меньше, меньше! Конечно, меньше. Бедный ежик!

Оленька еще раз поглядела на комок тряпок за шкапом и прижалась к маме:

— Поедем домой!

МЕТЕЛЬ

Нынче на двор не выйдешь. Снег идет, ветер свистит. Метель. Все кругом замело.

Папа пришел, весь белый.

Мама дала ему веник и прогнала в сени: пускай чистится. А то пол мокрый будет, и шуба намокнет.

Тимку гулять выпустили. Минуты не прошло, скрестись на-

чал. Домой просится. Вбежал и давай отряхиваться. Во все стороны брызги летят.

— Ах, ты, негодник этакий!—стала бранить его ма-

ма.—Весь пол забрызгал. Марш на кухню!

А ему хоть бы что. Только веселится. По полу катается.

Плохо на дворе, а в комнате от метели темно.

Воробей решил, что вечер настал. Взлетел на шкаф. Головку под крыло и—спать.

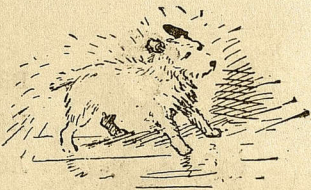
Оленьке тоже скучно.

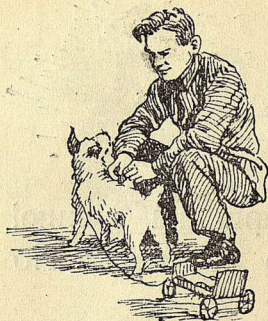
Один только Тимка веселится. Выкатался по полу, вытерся и ну носиться из комнаты в комнату. Это он сушится.

— Ты что, Оленька, скучаешь?—говорит папа.—Смотри, как Тимка расходился.

— Ну его!

— Как это „ну его“? Где у тебя куклина тележка? Сейчас мы его впряжем. Работу ему дадим. Чего он без толку носится?

Достал папа из-под кровати тележку, поймал Тимку, привязал ему к ошейнику тележку.

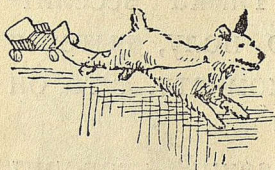
— Оленька, позови его к себе.

Позвала Оленька. Тимка бросился к ней, а тележка сзади подскакивает. Добежал Тимка до Оленьки, вдруг папа его зовет:

— Тимка, сюда!

Он к папе.

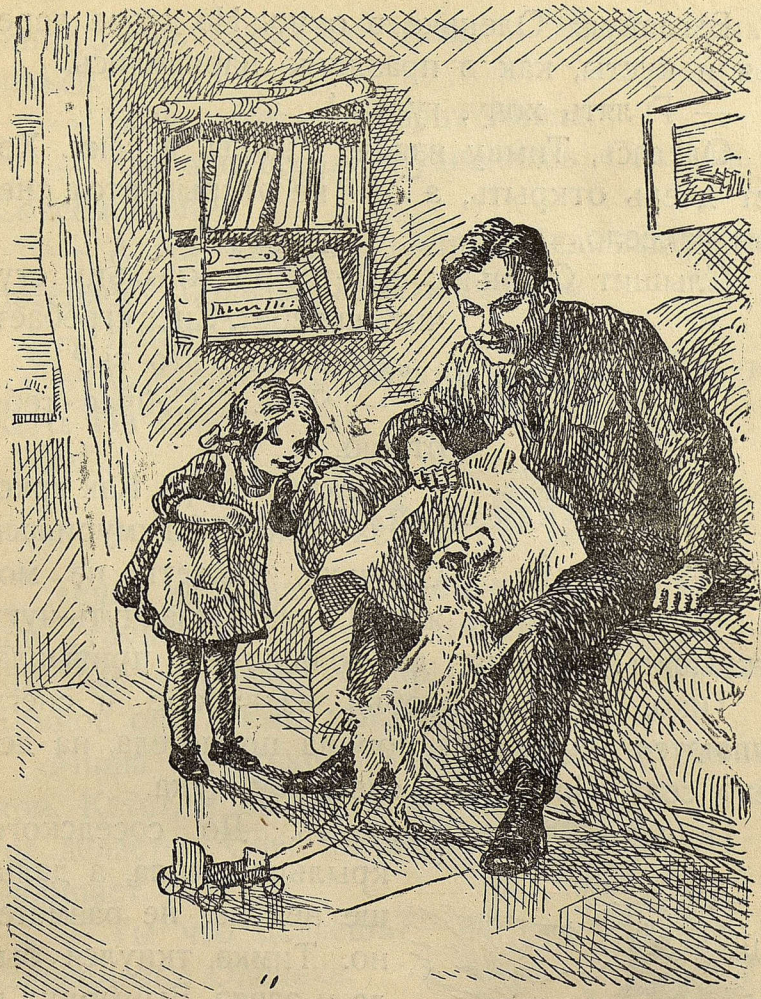
Прибежал к папе, Оленька его зовет. Тут он догадался. Стал носиться сам без всякого зова, как и прежде. Тележка скачет, грохочет.

От шума воробей проснулся. Стал скакать по шкапу. Скачет и чирикает.

— Видишь, и воробей развеселился, — говорит папа. — А вон и солнце.

Правда, выглянуло солнце. Сначала робко, чуть-чуть. Потом вдруг, точно двери распахнуло: светло-светло стало.

— Тимка, сюда!

Взглянула Оленька в окно. На дворе деревья и кусты, как в праздник, нарядились.

— Гулять хочу, гулять!

Оделась, Тимку взяла. Вышла в сени. Хочет дверь открыть, а она не открывается: снегом занесло.

Слышит Оленька: кто-то по крыльцу стучит, скребет. Снег сгребают.

— Миша, это ты?

— Я, я... Сейчас тебя отрою.

Открыл дверь. Как ярко! Глаза слепит. Зажмурилась Оленька, глядеть не может. Стала глаза чуть-чуть

открывать. Больше да больше — и привыкла.

Тихо, тепло. Воробьи на заборе в снегу купаются, чирикают. Ворона прилетела, на дерево села. Посыпался снег, как мука.

Пошла Оленька гулять. До соседского крыльца дошла, а дальше некуда: не разметено. Тимка ткнулся было и завяз. Вынырнул и

опять завяз. Вернулся назад и давай отряхиваться.

— Весна идет,—говорит Миша.

— Как это весна?—удивилась Оленька.—
Совсем зима.

— А вон как тепло стало. Если завтра еще потеплеет, болвана лепить станем.

— Какого?

— С головой, с глазами, с носом. Вот какого. Из снега.

СНЕЖНЫЙ БОЛВАН

Тепло на дворе. Теплее вчерашнего. С крыши струйки текут, под окнами в снегу от них круглые дырочки. С крыльца снег очищен. Темное оно стало, мокрое.

Миша с Петькой катят по снегу огромный ком. Катят, а он все больше делается. Снег на него налипает.

— Ты что делаешь?—спрашивает Оленька.

— Болвана.

— А зачем катите?

— Чтобы ком больше был.

Стало им катить не под силу, они и бросили. Слепил Миша маленький ком.

— Катай теперь ты, — говорит он Оленьке, — а мы посидим.

Напыжилась Оленька. Хочет ком сдвинуть, а он ни с места: точно приклеился.

Сдвинула Оленька ком на гладкую дорожку и покатила.

— Эх, ты! — говорит Миша. — По дорожке не налипнет.

— А там не катится, — отвечает Оленька.

Подбежал Миша, покатил комок по снегу. Накатал его вдвое. Поднял его вместе с Петькой и положил поверх большого. Потом слепили еще комок, поменьше, и насадили его на самую макушку.

— Ноги есть, грудь есть, голова тоже, — сказал Миша, — теперь глаза вставим.

Нашел у крыльца два уголька. Воткнул их болвану в голову. Стал болван с глазами.

Сшиб Петька сосульку. Воткнул пониже глаз. Стал болван с носом.

Смотрят, Оленька из сеней цветочный горшок тащит. Надели горшок болвану на голову — вместо шапки. Прочертил Миша болвану рот, воткнул в рот ветку, насадил на ветку окурок. Стал болван папироску курить.

Посмотрела на него Оленька и говорит:

— Какая уродина! Давайте мой горшок. Я его назад снесу.

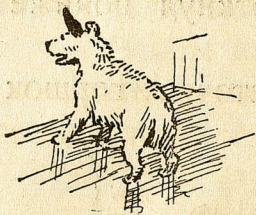
— Стой, погоди,—говорит Миша,—что я сделаю!

Сбегал домой, принес два куриных пера. Воткнул их болвану под нос. Стал болван с усами.

Глазища таращит, нос кверху задрал, усы в разные стороны и папироска во рту.

Стал болван смешной-смешной. Стоит Оленька, смотрит на него и хохочет.

Выскочил на двор Тимка. Подлетел к бол-

вану гоголем да вдруг испугался. Хвост поджал и назад.

Взбежал на крыльцо и давай оттуда лаять.

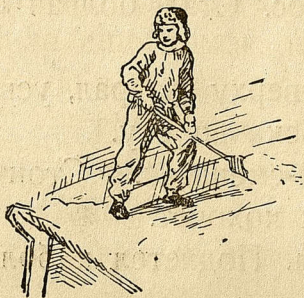
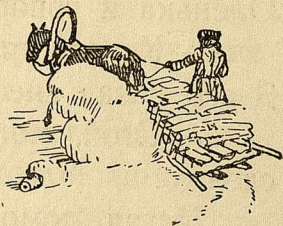
Лаял, лаял. Вдруг болван как кивнет головой! Покатилась голова долой — и горшок вдребезги.

— Ничего, — говорит Миша, — это горшок перевесил. Сейчас другую голову слепим.

Хотели лепить, а их обедать позвали.

Так болван без головы и остался.

Привезли тете Кате дрова. Стали сани заворачивать. Задели за болвана и совсем свалили его.

Вышла Оленька после обеда гулять. Спрашивает Мишу:

— Где болван?

А Миша другим делом занялся: на крышу полез снег скидывать. Только Тимка

подбежал к снежной куче, оглянулся на Оленьку и хвостом замахал:

„Вот, мол, он где, ваш болван, и совсем не-страшный“.

ВЕСНА НА ОКОШКЕ

Ночью шел сильный дождь. По крыше гремело так, точно по ней на салазках катались. Оленька проснулась, удивилась. Разбудила маму и спрашивает:

— Это что?

— Спи, спи,— говорит мама,— это весна идет. Снег сгоняет.

Встала Оленька утром. Посмотрела в окно, а на дворе снегу чуть-чуть. Ручьи бегут, блестя. Воробьи стрекочут. Миша в одной куртке бегают и железную палку тащит.

Постучала Оленька ему в окно, а он и не слышит. Спешит.

Умылась, напилась чаю, вышла во двор. Земля скользкая. Бежать трудно. Снег лежит грядками. Старый, грузный. Вокруг лед каймой. С краю отстал от

земли, подтаял. Ударить покрепче — обломится. Встала Оленька на край, подскочила. Нет, не отломишь. Очень крепкий.

— Оленька, — кричит из-за кустов Миша, — иди сюда! Вон как у меня отскакивает!

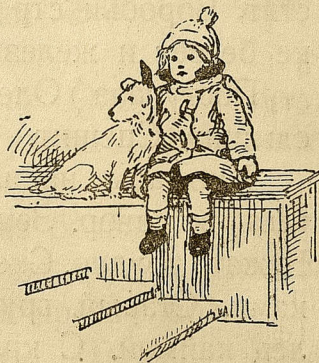
А сам бух-бух железной палкой. Гулко стучит, как по корыту. Полезла Оленька сквозь кусты. Стоит Миша на ледяной корке. Ударит палкой раз-два — треснет лед, большой кусок отколется.

Так ему, льду, и надо. Кончилась зима, весна пришла.

— Весна, а травы нет, — говорит Оленька.

— Очень ты скорая! Сойдет снег, земля отогрется, и травка вылезет.

Ушел Миша в школу. Взяла Оленька Тимку, села с ним на крыльцо и сидит.

Сидела, сидела, вдруг Лена Нестерова мимо идет.

— Ты что, Оленька, сидишь? Пошла бы погуляла.

— Жду, когда земля отогреется, травка вылезет.

— Очень ты скорая! За один день это не делается. Еще сколько раз снег выпадет, мороз будет.

Наломала Лена веток и дала Оленьке.

— На-ка вот. Налей воды в бутылку и поставь туда ветки. На них листья распустятся. Это вот — верба, а это — тополь. Будет у тебя весна на окошке. Раньше, чем на дворе.

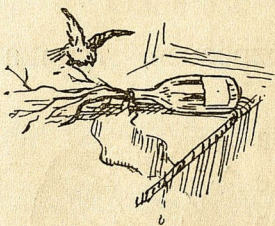

Снесла Оленька ветки в дом. Сделала так, как сказала Лена, и села у окошка.

— Ты что, Оленька, сидишь? — говорит мама. — Пошла бы погуляла.

— Дожидаюсь листиков на ветках.

— Очень ты скорая! Для того чтобы листики выросли, несколько дней надо.

Тут воробей как нале-тит! Ухватился за ветку и уронил бутылку. Вода разлилась, а он напугался — и на шкаф.

— Давай-ка, — говорит ма-ма, — снесем бутылку на кухню. Он туда не летает. Будешь по утрам мыться — проверяй, нет ли листочков. Как вырастут, так и его, разбойника, выпустим. Пускай на дворе озо-рует. Там ему привольней будет.

ПЬЮТ ВОДУ

Прошло два дня.

Проснулась Оленька утром, а мама ей и говорит:

— Иди на кухню мыться. Там твои листоч-ки распустились.

Побежала Оленька на кухню. А на ветках чуточные листочки выросли. Липкие, пахучие.

— Мама, мама,—закричала Оленька,—смотри, какие у веток ниточки!

— Какие еще ниточки?

— Вон, в воде, в бутылке.

— Это корешочки. Ими ветки воду сосут, пьют.

Оленька приложила ухо к бутылке.

— А почему не слышно, как они сосут?

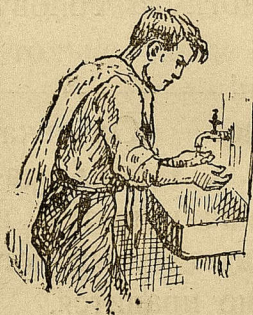
— Воробей пьет, не услышишь, а ветки пьют—подавно не услышишь.

Пришел к обеду папа с работы. Повела его Оленька смотреть листочки и ниточки.

Папа посмотрел и стал мыться над раковиной. Оленька приложила ухо к горлу бутылки, у самых веток, и как закричит:

— А я слышу, как они сосут! Правда, слышу: ш... ш...

— Вот глупая!—сказал папа.—Это ты ухом о ветки трешь, вот и слышишь. погоди, грядку под окном сделаем, будем сажать морковь, репу, тогда

и твои ветки тоже посадим. Будет у тебя свой сад.

— И расти будет?

— Будет.

Оленька подумала, подумала и спросила:

— А зимой ветки спят?

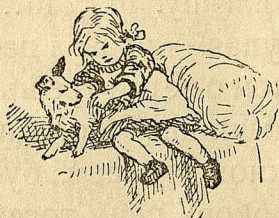
— Спят.

— Значит, не один ежик спит? Правда? И деревья спят, и трава спит, и грибы спят... А весной просыпаются. Проснется ежик и зевнет, и они зевнут. Ежик потянется, и они потянутся. Ежик скажет: „Как я долго спал! Уж весна пришла“. И они скажут: „Правда, весна, и мы тоже все время спали“. И ему станет весело-весело, и он станет кувыркаться. Вот так!

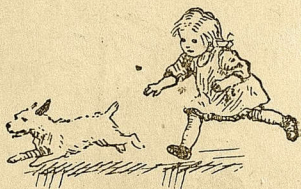
Оленька влезла на кушетку, села на валик, уперлась руками в сиденье, подогнула голову и перекувырнулась.

— Вот так!

Кувыркалась Оленька, пока не устала. Потом втащила Тимку на кушетку и стала кувыркать. Кувыркает, а он рычит: не нравится.

Тимка вывернулся, соскочил с кушетки и стал бегать из угла в угол. И Оленька за ним. Воробей обрадовался шуму, стал скакать по шкапу и чирикать.

Вдруг Оленька остановилась и придумала новое:

— Поедем, мама, к тете Клаше. Ежика смотреть. Он теперь тоже проснулся.

— Некогда мне к ней ехать. Попроси папу письмо написать. Тетя Клаша тебе ответит.

ЕЖИК ГОВОРIT ПО ТЕЛЕФОНУ

— Мы с тобой лучше по телефону с тетей Клашей поговорим,—сказал папа.—Погоди только, когда стемнеет.

— Почему, когда стемнеет?

— Ведь ты же мне сама говорила, что ежик просыпается, когда стемнеет.

— Да я не про короткий сон хочу спросить, а про длинный, про зимний.

— И я тебе про зимний говорю. Если он

проснулся, значит, к вечеру из-за буфета выйдет ужинать. Тут мы с ним и поговорим.

— Как?

— А вот услышишь.

Когда стемнело, они пошли в большой дом на углу их улицы. Там есть телефон.

Папа позвонил. Велел позвать тетю Клашу. Тетя Клаша подошла. Папа поднял Оленьку к телефону и дал ей трубку. Взяла Оленька трубку и слышит:

— Здравствуй, Оленька! Что ты хотела спросить? Спрашивай.

— Спроси: проснулся ежик? — подсказал Оленьке папа.

Оленька оробела, а потом спросила чуть слышно:

— Ежик проснулся?

— Проснулся, проснулся, — сказал голос из телефона.

— Пускай сам скажет, — попросила Оленька еще тише.

— Хорошо, — ответил голос, — только подожди немного, я его принесу.

Ждать пришлось долго. Рука у Оленьки устала держать трубку, и она отдала ее папе.

— Ну вот, слушай! — и папа приложил трубку Оленьке к уху.

— Оленька, ты слушаешь? — спросили из телефона.

— Слушаю, — ответила Оленька и вдруг слышит: пыф, пыф... Ежик пыхтит. Значит, правда проснулся.

— Пыхтит! — сказала Оленька папе и вдруг осмелела.

— Здравствуй, ежик! — закричала она громко. — Это я, Оленька! Слышишь меня?

А ежик опять: пыф, пыф...

— Слышит! — сказала Оленька папе.

— Ну, скажи ему, что приедешь к нему в гости, — посоветовал папа, — и пойдем домой. Тебе самой спать пора.

— Мы к тебе в гости приедем! — закричала что есть силы Оленька и бросила трубку. Едва успел папа подхватить. Подхватил и повесил, куда нужно.

А Оленька пустилась бежать домой, рассказывать маме, как говорил по телефону ежик.

На другое утро Оленька побывала у всех: у Лены, у Миши, у тети Кати... У всех. И всем рассказала про ежика.

КРАПИВНЫЙ СУП

На ветках в бутылке листья выросли яркие, липкие, пахучие. И на дворе потеплело.

Стала Оленька гулять в легком пальтишке. Гуляла, гуляла и вдруг бежит домой, кричит:

— Травка, травка!

Взяла мама травку, посмотрела.

— Это, — говорит, — крапива.

Где ты ее нашла?

— У забора. Там ее много.

— На вот тебе корзиночку, со-

бери побольше. Я суп из нее сварю. Вкусный.

Нарвала Оленька полную корзинку. Высыпала мама крапиву на стол. Стала ее разбирать. Отобрала корешки, листья прошлогодние, всякий сор. Выкинула в помойное ведро. А крапиву вымыла — и в чугунок. Положила туда мяса, воды налила, посолила — и в печь.

Достала из шкапа три яйца, положила в кастрюлю, залила кипятком, накрыла блюдцем: пусть варятся.

Пришел папа обедать. Несет мама чугунок.

Разлила по тарелкам крапивный суп, положила в каждую по облупленному яйцу и молоком забелила.

— Ну-ка, — говорит, — попробуем Оленькину находку.

— Погоди, Оленька, я тебе яйцо ножом разрежу. Ты ложкой не

управишься. Как надавишь, так оно и выскользнет. Обольешься вся.

А Оленька, пока мама на кухню за ножом ходила, стала на яйцо ложкой нажимать. Осторожно-осторожно. Вот-вот выскользнет. Даже жарко стало — очень уж трудно. А все-таки разрезала.

— Ну и молодец! — говорит папа. — Совсем ты у нас большая стала. Уж если обед промыслила, — значит, большая.

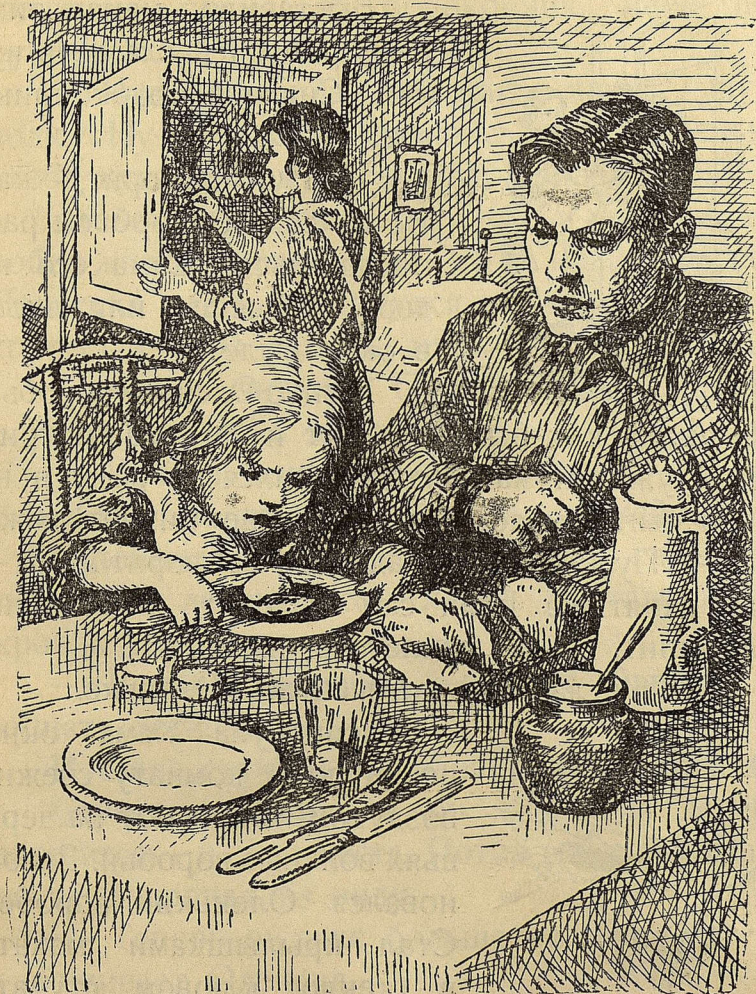
Стала Оленька суп есть. Вот вкусно!

— Я все лето крапиву собирать буду.

— Ну, уж это нет, — говорит папа: — она хороша, пока молоденькая. Вырастет большая, никуда не будет годиться. Жечься будет. Летом ты у нас чем-нибудь другим разживешься.

ВОРОБЕЙ УЛЕТЕЛ

Стало на дворе еще теплее. На деревьях выросли крошечные листочки. Снега не осталось нисколько, и земля совсем высохла. Травка начала вылезать и щетиниться.

Стала Оленька на яйцо ложкой нажимать.

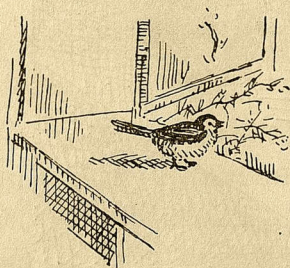
Выставила мама зимнюю раму. Унесла ее в чулан. Сняла с подоконника вату.

— Ну,— говорит,— как ты со своим воробьем распорядишься? Сама его на двор отнесешь, или пусть в окно вылетит?

Жалко Оленьке воробья. Не знает, как быть. Молчит и на него смотрит. А он уж тут как тут. Уцепился за раму и на двор выглядывает. Скучный, не пикнет даже.

— Пускай сам догадается,— говорит мама,— так занятнее. Если сам вылетит, наше окно запомнит. Будет прилетать, навещать.

— Ну, ладно,— согласилась Оленька.

Распахнула мама окно, потянуло в комнату свежим воздухом. Чирикают на деревьях вольные воробьи. Заволновался Оленькин воробей. Стал крылышками махать, в стекло клювом стучать.

Сорвался прямо на подоконник, маме под руки.

— Что, дурачок, — говорит мама, — учуял волю? Ну-ну, посиди, оглядись. Дай, Оленька, хлеба кусок. Я ему покрошу, приважу.

Оленька туда, сюда. Нет нигде хлеба. А воробей ждать не стал. Порх — и на край рамы сел. Почистил клюв, повернулся в одну сторону, в другую и порх дальше, на ближнюю ветку.

— Чивик, чивик... Прощай, мол, Оленька. Раскланялся и до свиданья.

— Вон он, вон! — кричит Оленька. — Я его вижу! Вон, на дереве сидит, над скамейкой!

Вспомнила Оленька, что у нее в кармашке передника лежит кусок хлеба. Достала и накрошила на подоконник.

— Воробей, воробей, — кричит Оленька, — кушать лети!

И стала стучать по подоконнику ноготками.

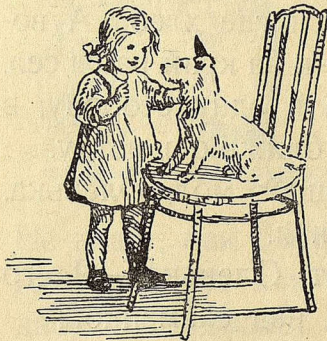
Стучала, стучала, а он сидит на дереве, ерошится — и ни с места. Потом вспорхнул еще выше и пропал из виду.

— Теперь он уже больше не прилетит? — спрашивает Оленька.

— Ну, как не прилетит? Прилетит! Оставь на окне крошки и Тимку на стул посади.

— Зачем Тимку?

— Чтобы кошка воробья не сцапала, когда он есть станет. И ты будешь знать, что это наш воробей. Чужой Тимки побоится, а наш не побоится.

Усадила Оленька Тимку на стул: сиди! Сидит Тимка, в окно глядит. Воздух нюхает, жмурится. А воробья нет.

Так и просидел, бедняга, без толку до самого вечера.

Принесла мама ужин. Спрашивает его:

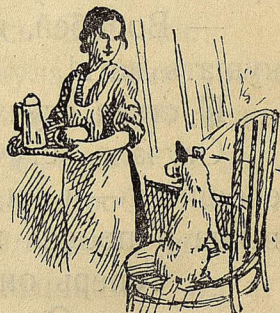
— Ты что? Видно, с тех пор все сидишь?

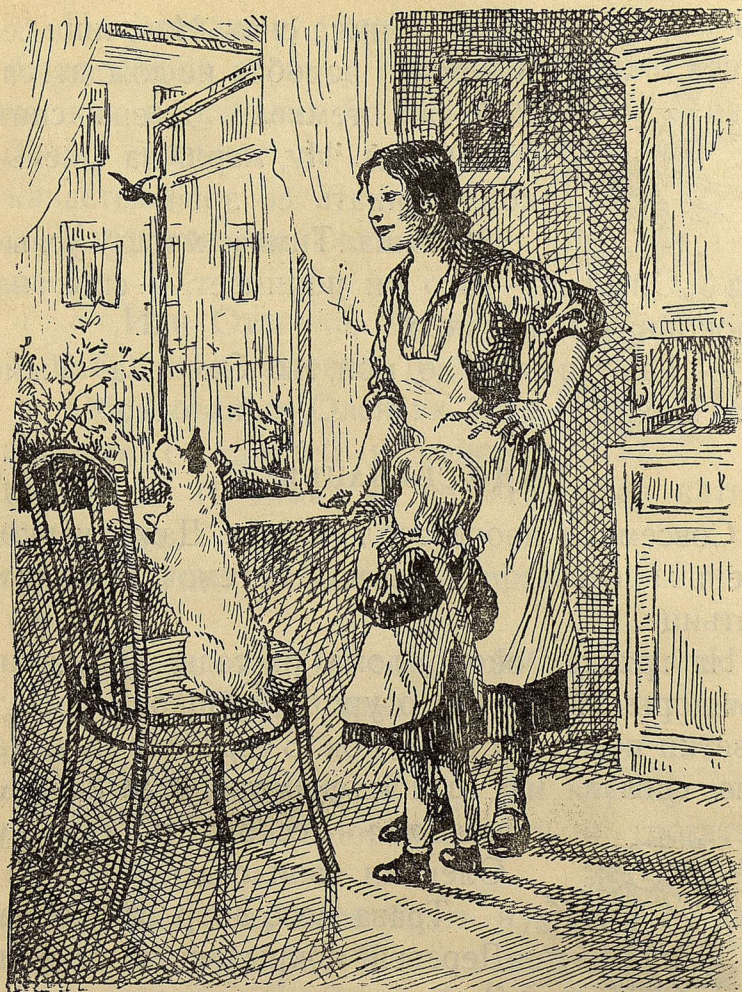
А он только чихнул да улыбнулся.

— Куда ж твоя Оленька делась?

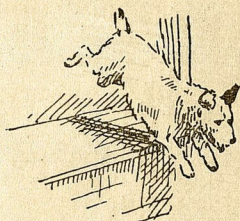
Поднял Тимка ушки, насторожился, в окно потянулся.

— Гуляет? — спрашивает мама. — Ишь, какая! Сама гу-

— Чивик, чивик.... Прощай, Оленька!

ляет, а Тимка сиди. Иди, ищи ее. Все равно воробья не дожидаться. Вон как стемнело. Давно спит где-нибудь. Ну, марш за Оленькой, ужинать ее зови.

Услышал Тимка „марш“, услышал „Оленька“ — это он понимает, — скок на подоконник и во двор.

— Гав-гав-гав! Где, мол, ты, Оленька? Ужинать пора.

ДО СВИДАНИЯ

Совсем на дворе тепло стало. Даже жарко. Оленька бегаёт до самых потемок в одном платице.

На грядках около дома рассады насадили: помидоры. Посеяли огурцы, морковь, репу. И ветки посадили в кружок. В середине кружка папа сделал из щепок скамеечку и кругом сыпал песком. И стал у Оленьки свой сад.

Трава весь двор запушила. Деревья покрылись листьями. Зелено, весело кругом.

Под липами у колодца, где снеговая гора была, Миша веревку привязал. Можно качаться, как на качелях. Сядет Оленька на веревку, Тимку возьмет на колени и качается.

Качаются они как-то, вдруг — папа.

— Иди, Оленька, одевайся. К бабушке в деревню поедem.

Обрадовалась Оленька. Со-
скочила с качелей и домой,
одеваться. И Тимка за ней. Как шар катится.
Тоже рад.

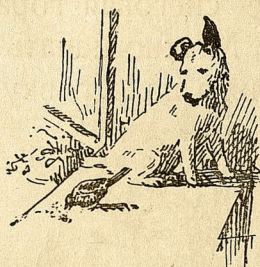
— А Тимку возьмем? — спрашивает Оленька папу.

— Куда его! Он там, у бабушки, всех кур распугает. Пусть дома остается маму сторо-
жить.

— Не распугает. Я ему дам курицу поню-
хать, он с ними познакомится и трогать не
будет. Возьмем...

— Билет на него брать нужно.

— Не нужно... Я его в корзинку посажу.
Он в ней, как мертвый, будет.

— Ну, ладно.

— Садись, Тимка, на окошко, — приказала Оленька, — не мешай. Возьму тебя. Оде- нусь — и возьму.

Сидит Тимка на окошке, дрожит. Боится, что не возьмут.

Вдруг — чирк-чирк. Воробей на окошко сел. Ключнул крошку, ключнул другую.

— Мама, мама, — говорит Оленька шопотом, — наш воробей прилетел! На окошке крошки клюет, у самого Тимкиного хвоста. Не боится.

— Это он тебя к бабушке провожает.

Вильнул Тимка хвостом. Испугался воробей и взлетел на край рамы. Как тот раз, когда его выпускали.

— Он к тебе прилетать будет, — говорит Оленька шопотом, — крошки ему кроши. Блюдечко с водой поставь.

Собралась Оленька, оделась. Запихала Тимку в корзинку, и пошли они с папой к трамваю.

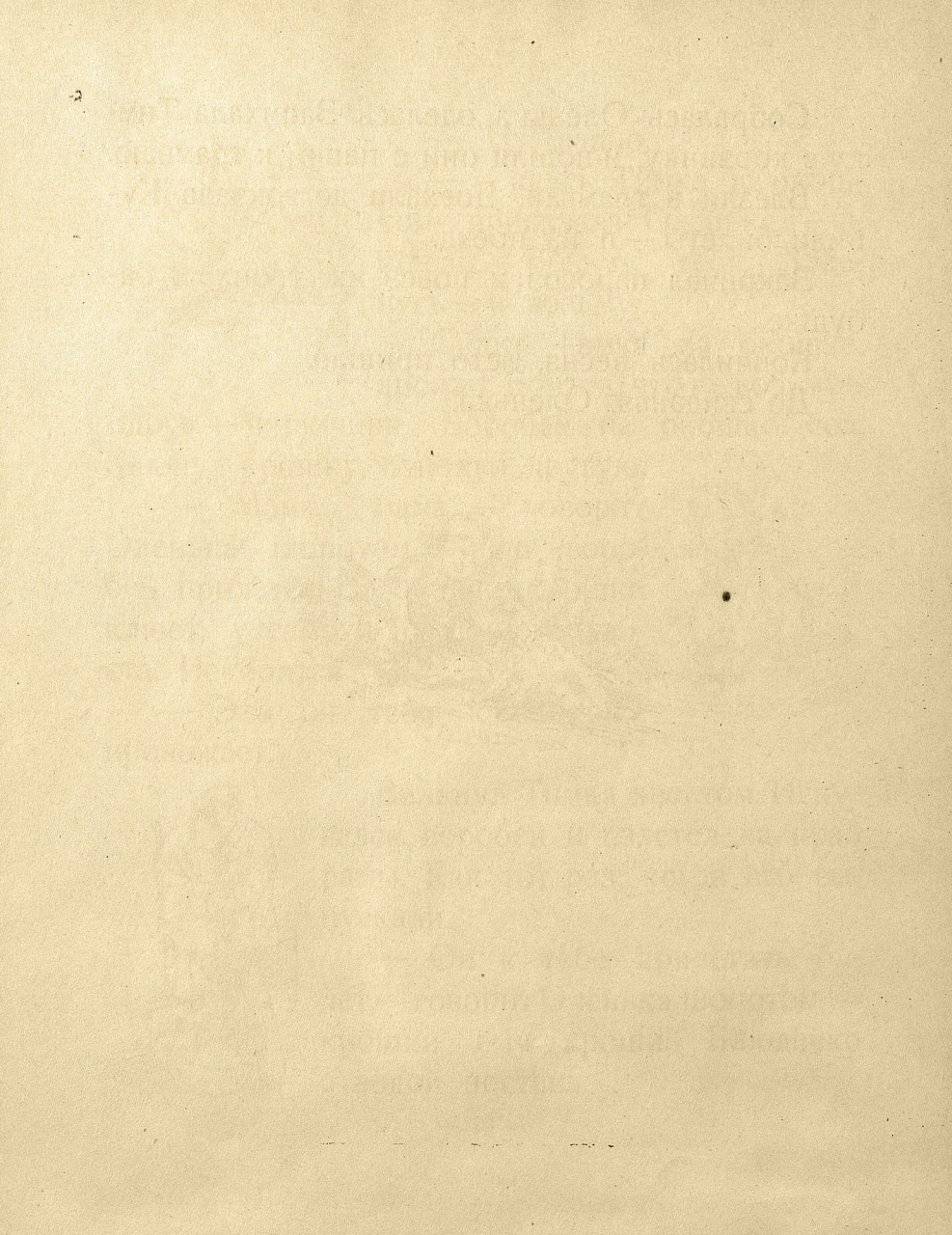
Влезли в трамвай. Доехали до вокзала. Купили билеты — и на поезд.

Закричал паровоз и повез их троих к бабушке.

Кончилась весна, лето пришло.

До свиданья, Оленька!

СОДЕРЖАНИЕ

Сосулька	5
Следы	8
Ежик	11
Коньки	15
Оленька на коньках	18
Воробей	21
Оленька на лыжах	23
Елка	26
Новый год	30
Гора	34
На салазках	38
Крепость	42
Ежик спит	46
Метель	48
Снежный болван	53
Весна на окошке	57
Пьют воду	60
Ежик говорит по телефону	63
Крапивный суп	66
Воробей улетел	68
До свиданья	74

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответствен. редактор *А. Гольдберг*
Художествен. редактор *П. Суворов*
Технический редактор *Г. Левина*
Корректора *Р. Гранова* и *С. Локина*
Сдано в производство 23/II 1937 г.
Подписано к печати 7/V 1937 г.
Детгиздат № 1114. Индекс Д-6.
Формат 72×93¹/₁₆. 5 печ. л. (5. авт. л.).
Тираж 50 300. Уполн. Главлита Б-17562

17 ф-ка нац. книги Огиза РСФСР
треста «Полиграфкнига».
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

Цена 1 р. 50 к. Перепл. 1 р. 25 к.

200

